

О РОЛИ НАУЧНЫХ ДАННЫХ В НОРМАТИВНОЙ ЭТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА РАЗОБЛАЧЕНИЯ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ)

**Прокофьев Андрей
Вячеславович** – доктор
философских наук, главный
научный сотрудник.
Институт философии РАН.
Российская Федерация,
109240, г. Москва,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: avprok2006@mail.ru

Статья посвящена анализу вопросов о том, возможна ли натурализация этической теории, а при наличии такой возможности – насколько радикальной она может быть. Ответ на эти вопросы во многом зависит от используемых теоретиками научных объяснений процесса вынесения моральных оценок. Автор статьи сосредоточивает свое внимание на умеренном варианте натурализации, который предполагает всего лишь коррекцию выводов нормативной этики на основе апелляции к научным данным. В качестве примера умеренной натурализации выступает проект разоблачения деонтологических моральных принципов, реализованный Дж. Грином. С точки зрения Дж. Грина, важнейший из таких принципов («недопустимо причинять вред другим людям *в качестве средства* достижения утилитаристски обоснованной цели, но допустимо причинять такой вред *в качестве побочного следствия* ее достижения») отражает функционирование тревожной эмоциональной сигнализации, которая обеспечивала на ранних этапах развития человека защиту малых групп от внутреннего насилия, использующего контактные средства причинения вреда. Средства причинения вреда с тех пор расширились, а негибкая эмоциональная подсистема психики до сих пор диктует границы допустимого в тех случаях, когда с помощью причинения меньшего вреда можно предотвратить больший. Этот диктат не имеет разумных оснований, а указанный принцип не может претендовать на объективность и универсальность. Автор статьи показывает, что данные, использованные Дж. Грином для разоблачения, расходятся с результатами исследований Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой, посвященных воздействию алкогольного опьянения на вынесение деонтологических и утилитаристских моральных оценок. Эти результаты указывают на то, что эмоциональная подсистема психики связана с использованием как деонтологических, так и утилитаристских принципов. Соответственно, этик, занимающийся обоснованием принципов морали, вынужден выбирать в качестве научной основы своего исследования какие-то из противостоящих друг другу научных моделей, объясняющих процесс вынесения моральных оценок. Некоторые из этих моделей соответствуют проекту умеренной натурализации, другие – нет. И выбор между моделями зависит исключительно от уже имеющихся у этика метаэтических и нормативных предпочтений.

Ключевые слова: мораль, натурализация этики, моральные принципы, деонтология, утилитаризм, эволюционное разоблачение, задача с вагонеткой, Дж. Грин

ON THE ROLE OF SCIENTIFIC EVIDENCE IN NORMATIVE ETHICS (THE CASE OF THE DEBUNKING OF DEONTOLOGICAL PRINCIPLES)

Andrei V. Prokofiev –
DSc in Philosophy,
Chief Research Fellow.
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow 109240,
Russian Federation;
e-mail: avprok2006@mail.ru

The paper deals with the questions of whether naturalization of ethical theory is possible and how radical it should be. The answer to these questions depends largely on the scientific explanations of the process of moral evaluation. The author concentrates on a moderate version of naturalization, which involves merely correcting the conclusions of normative ethics by appealing to scientific evidence. A good example of moderate naturalization is the project of debunking deontological moral principles of J. Green. From J. Green's point of view, the most important of such principles ("it is impermissible to harm other people as a means of achieving a utilitarian goal, but it is permissible to cause such harm as a side-effect of its achievement") reflects the functioning of the emotional alarm system, which in the early ages of human history protected small groups from internal violence using contact means of harm. The means of harm have since expanded, but the inflexible emotional part of our psyche still dictates the limits of permissibility. This dictate has no reasonable grounds, and the abovementioned principle cannot claim to be objective and universal. The author shows that the data used by J. Green is different from the results of studies by Yu.I. Aleksandrov and K.R. Arutyunova on the impact of alcohol intoxication on making deontological and utilitarian moral evaluations. These results indicate that both the deontological and the utilitarian principles are partly based on the emotional subsystem. Accordingly, a normative ethicist is forced to choose as the scientific basis of his or her research some of the opposing scientific models that explain the process of making moral evaluations. Some of the models are consistent with the moderate naturalization project, others are not. The choice between models depends exclusively on already taken metaethical and normative preferences.

Keywords: morality, naturalization of ethics, moral principles, deontology, utilitarianism, evolutionary debunking, trolley problem, J. Greene

Введение

В современной эпистемологической мысли ведутся интенсивные дискуссии о необходимости, а в случае необходимости – об оптимальной глубине натурализации эпистемологии. В своей радикальной форме натурализация снимает проблему выявления критериев, позволяющих приписывать каким-то высказываниям статус истинного знания, и, соответственно, дополнительную проблему – проблему обоснования конкретных высказываний в качестве истинных. Тем

самым традиционная эпистемология, включающая в себя априорную и нормативную составляющую, заменяется на психологическое описание перехода от чувственных данных к их теоретическим интерпретациям [Quine, 1969]. В своей умеренной форме натурализация эпистемологии предполагает психологическое исследование эволюционных корней и социального контекста познавательной деятельности, а также его более тесное взаимодействие с теоретической работой по обоснованию знания. Вместо замены философского исследования психологическим предполагается взаимная коррекция методов и результатов.

В этической мысли происходят параллельные процессы. Я оставляю в стороне обсуждение тезисов о том, что дисциплина, именуемая нормативной этикой, лишь по случайности не называется нормативной эпистемологией [Kim, 1988] и что такая нормативная (или моральная) эпистемология подвергается той же самой натурализации, что и общая, но с определенной спецификой [Campbell, Hunter, 2000]. Однако даже если эти тезисы неверны, параллелизм очевиден. В этике мы видим похожее соотношение радикализма и умеренности при решении вопроса о том, как должны соотноситься между собой априорный теоретический анализ и научное исследование генезиса и механизмов функционирования морального сознания. Итак, при радикальном подходе моральные принципы могут рассматриваться исключительно в перспективе породивших их природных и социокультурных факторов, а потребность в обосновании какого-то набора принципов в качестве универсально и объективно значимого может считаться результатом фундаментальной иллюзии. Сторонники этого подхода не отрицают тот факт, что моральные оценки содержат претензию на общезначимость и объективность. Они видят, что этот факт веками заставлял теоретиков рассуждать о критериях, согласно которым некоторые моральные принципы являются истинными, то есть обладают нормативной силой в отношении всех людей. Однако в оптике радикальной натурализации такие рассуждения не только заведомо бесполезны, но и подменяют собой анализ закономерных процессов, которые привели к появлению оценок с претензией на общезначимость и объективность. Умеренная позиция всего лишь допускает, что в ходе выявления универсальных и объективных принципов научные данные, проясняющие их возникновение и причины использования людьми, могут скорректировать выводы специалиста по нормативной этике. В данной статье я попытаюсь установить, в какой мере оправдан умеренный подход на примере проекта эволюционно-психологического разоблачения моральных принципов деонтологического типа, реализованного американским философом и психофизиологом Дж. Грином (в русскоязычной философской литературе анализу проекта Дж. Грина посвящены следующие работы: [Бельский, 2020] и отчасти [Бажанов, Шабалкина, 2017]).

Деонтологические моральные принципы ориентируют морального агента на такие характеристики действия, которые можно выявить без анализа его последствий и широкого ситуативного контекста. Деонтологические принципы либо полностью заменяют логику, связанную с суммированием интересов затронутых действием лиц, либо создают внешние ограничения для использования такой логики (ее принято называть утилитаристской). Ограничения могут оформляться в виде системы индивидуальных прав или в виде системы запретов. Среди важнейших деонтологических запретов присутствуют те два, с которыми преимущественно работал Дж. Грин. Первый принцип: «недопустимо причинять вред другим людям *в качестве средства* достижения утилитаристски обоснованной цели, однако причинение вреда *в качестве побочного следствия* ее достижения допустимо». Первый способ причинения вреда может пониматься как его намеренное причинение, второй – как ненамеренное, и тогда принцип выглядит следующим образом: «нельзя причинять вред *намеренно*, но *ненамеренное* его причинение допустимо, если оно оправдано целью действия». Второй принцип: «недопустимо *причинять вред* другим людям для достижения утилитаристки обоснованной цели, однако ради достижения той же цели допустимо *отказаться от предотвращения вреда* несмотря на то, что агент имеет такую возможность».

Нормативно-этический проект Дж. Грина

В своих попытках на научной основе показать, что деонтологические моральные принципы не могут рассматриваться в качестве универсальных и объективных (истинных), Дж. Грин опирался на так называемую дуальную или двухпроцессную модель человеческой психики. Он предположил, что мы оцениваем действия различных агентов в моральной перспективе на основе либо когнитивных, либо эмоциональных реакций. Первые предполагают, что оценке предшествует такое описание ситуации, которое является поведенчески нейтральным. Когнитивная реакция сама по себе не дает ответа на вопросы «как относиться к происходящему?» или «что делать в складывающихся условиях?». Она призвана прояснить вопросы: «что происходит?». или «к чему ведет происходящее в ближайшей или длительной перспективе?» Переход от когнитивной реакции к выбору оптимального в данной ситуации действия осуществляется на основе наложения на нейтральное описание происходящего тех оценочных критериев, которые существуют независимо от этого описания. Подобная процедура является дискурсивной, в ее ходе нормативные

установки соотносятся с фактическими утверждениями, и в силу этого оценка требует времени и усилий.

Эмоциональные реакции, в отличие от когнитивных, определяют поведение на ничем не опосредованной автоматической основе. Эмоциональная репрезентация ситуации обладает, пользуясь терминами Дж. Грина, «поведенческой валентностью». Она включает в себя стимулы к совершению определенного действия или к воздержанию от него. Например, констатация «Это животное – змея» в этом случае тождественна требованию «Не подходи к змее!». В процессе когнитивного реагирования такого тождества быть не может, поскольку конкретная ситуация, в которой находится агент, может предполагать, что а) это змея, но не ядовитая, б) это ядовитая змея, но агент защищен от ее укусов, в) существует риск быть укушенным ядовитой змеей, но его компенсируют преимущества от приближения к ней и т.д. и т.п. Во всех трех указанных случаях констатация присутствия змеи не влечет автоматически попытку от нее удалиться. Однако для человека, который просто подвержен сильному инстинктивному страху змей, удаление от объекта, идентифицированного в качестве змеи, является императивным вне зависимости от специфики конкретной ситуации. Эмоциональные реакции в эволюционной истории человека сформировались как способ принятия решений в тех случаях, когда у агента нет времени на обдумывание действий, имеется лишь ограниченная информация о положении дел и требуется мгновенный поведенческий отклик на потенциальную опасность (шире – на практическую проблему) [Green, 2008b, p. 40–41].

В центре внимания Грина находится разоблачение первого из двух охарактеризованных выше деонтологических принципов. Классической иллюстрацией его применения считается реакция среднестатистического респондента на модификации «задачи с вагонеткой», известные как «Стрелка» и «Пешеходный мост» (другое устойчивое название «Толстяк»). В «Стрелке» руководствующийся моральными мотивами агент перенаправляет потерявшую управление вагонетку с пути, где находятся пять человек, на путь, где находится один. В «Пешеходном мосте» такой же агент в условиях, когда нет возможности пожертвовать собой, сталкивается на рельсы с проходящего над ними пешеходного моста другого человека для того, чтобы вагонетка, натолкнувшись на его тело, не могла продолжить свой путь в сторону пятерых потенциальных жертв инцидента (см. подробнее: [Эдмондс, 2016]). Подавляющее большинство респондентов рассматривает перенаправление вагонетки на стрелке в качестве допустимого, хотя и не обязательного действия. Точно так же подавляющее большинство рассматривает сбрасывание человека на рельсы в качестве действия недопустимого (оба тезиса подтверждены многочисленными исследованиями,

см. для примера сравнительные данные Т. Тоншо по США, России и Китаю [Tannsjo, 2015, p. 58, 63]).

Таким образом, наиболее распространенным способом принятия морально значимых решений в ситуациях, где вред другим людям может быть минимизирован, оказывается утилитаристское суммирование спасенных и потерянных жизней, ограниченное абсолютным запретом на *некоторые* способы причинения вреда (здесь – причинения смерти другому человеку). Для респондентов, не имеющих специального философского образования или опыта систематической нормативной рефлексии, основания этого запрета в большинстве случаев неочевидны, хотя он и признается ими в качестве абсолютного. А с точки зрения этиков деонтологического направления, за моральными суждениями большинства стоит именно то, что респонденты придают разный моральный статус причинению вреда как побочного следствия спасения большого количества людей («Стрелка») и вреда как средства такого спасения («Пешеходный мост»). На следующем уровне нормативных обобщений этики-деонтологи обнаруживают ряд отправных позиций этого разграничения. Так, в случае «Пешеходный мост» гибнущий человек используется в качестве только средства, а не цели; тот, кто толкает его на рельсы, пренебрегает его человеческим достоинством, нарушает его право на жизнь, нарушает принцип согласия в его разных версиях (сам Дж. Грин упоминает Дж. Томсон и Ф. Кэмм [Green, 2008b, p. 68]. И напротив, ряд этиков-деонтологов обсуждают проблему вагонетки и разницу между вредом-средством и вредом – побочным следствием именно в этом ключе гораздо шире; см. для примера в хронологическом порядке: [Thomson, 1985; Quinn, 1989; Kamm, 1996, p. 143–171; Kerstein, 2013, p. 121–139; Kleingeld, 2020]).

Разоблачение обсуждаемого принципа опирается у Грина на экспериментальные данные, позволяющие провести довольно строгую корреляцию между суждениями, которые отражают запрет на причинение вреда в качестве средства достижения утилитаристски обоснованной цели, и активностью эмоционального полюса дуальной (двухпроцессной) модели психики. Опираясь на информацию о скорости протекания психических процессов и зон мозга, задействованных в ходе принятия решений, Дж. Грин предположил, что в кейсе «Пешеходный мост» несогласие большинства испытуемых с тем, чтобы лишить жизни одного человека ради спасения пятерых, основано на эмоциональных психических механизмах [Green, 2008b, p. 41–46; Green, 2013, p. 117–131]. В то же время оценка кейса «Стрелка» (то есть их готовность лишить жизни одного человека, чтобы спасти пятерых) предполагает борьбу эмоционального и когнитивного полюсов дуальной (двухпроцессной) модели. Когнитивный полюс продвигает утилитаристское решение проблемы, эмоциональный – деонтологическое, и по каким-то причинам борьба заканчивается победой когнитивного.

Можно было бы предположить, что «истинные» моральные принципы и психологическая реальность, описанная Дж. Грином, находятся в состоянии своего рода предустановленной гармонии. Процесс эволюции спонтанно привел к формированию такой нормативной системы, которая подтверждается на основе использования традиционного (априорного) инструментария моральной философии. Однако Дж. Грин не принимает тезис о предустановленной гармонии и выражает недоверие деонтологической нормативной этике. Основой такого недоверия являются полученные им ответы на два вопроса: какую роль эмоциональные реакции играют в ходе принятия морально значимых решений и как эти реакции сформировались в ходе эволюции? Эмоциональные реакции в моральной сфере, по мнению Дж. Грина, представляют собой очень быстро, но грубо и приблизительно действующую тревожную сигнализацию в отношении внутригруппового насилия. Эмоциональное «нельзя!» в отношении такого насилия позволяло первобытным группам быть более устойчивыми и конкурентоспособными. Оно было так же полезно, как страх змей и насекомых или как отвращение к протухшему мясу. Но касалось оно лишь тех способов причинения вреда другому человеку, которые находились в распоряжении древних людей, то есть причинения вреда в ходе непосредственного физического контакта. Иные способы причинить вред, например с помощью выстрела из кольта, запуска баллистической ракеты или перенаправления вагонетки на стрелке, не фиксируются (или очень слабо фиксируются) этой сигнализационной системой. Именно поэтому на первом плане оказывается соотношение потерянных и спасенных жизней, как в кейсе «Стрелка». Данное обстоятельство, по замечанию Дж. Грина, не имеет отношения к «моральной истине», то есть к набору объективных и универсальных разграничений между допустимым и недопустимым поведением [Green, 2008b, p. 70]. Этики-деонтологи пытаются провести апологию моральной интуиции и показать, что обращение с погибающим человеком в «Пешеходном мосте» отличается от обращения с его аналогом в «Стрелке» по своему моральному качеству. Однако Грин считает, что предъявление данных нейропсихологии и эволюционной теории легко разоблачает деонтологические принципы в качестве *моральных рационализаций морально безразличного положения дел* [Ibid., p. 67–72].

Позднее под воздействием критики Дж. Грин частично скорректировал свою позицию (критику и первоначальную реакцию на нее см.: [Mikhail, 2008; Green, 2008a]). Дж. Грин принял во внимание, что кейс «Пешеходный мост» легко трансформировать в случай дистанцированного причинения вреда, и, несмотря на это, негативная оценка действий «спасителя» большинством испытуемых не исчезает. Имеется в виду такая модификация кейса, в которой человек не сбрасывается с пешеходного моста, а проваливается в дистанционно

управляемый люк, на который ему по стечению обстоятельств не повезло наступить. Если так, то причинение вреда *в результате* действий по спасению (перевод стрелки) и причинение вреда *в самом процессе* спасения (сбрасывание человека с пешеходного моста) представляют собой самостоятельное разграничение, несводимое к проблеме контактности или дистанционности воздействия. Признание этого факта не заставило Дж. Грина отказаться от разоблачения деонтологической этики. Однако он вынужден был дополнить свое понимание эмоциональной тревожной сигнализации. Такая сигнализация, по мнению Дж. Грина, реагирует не только на персональное и контактное лишение другого человека жизни, но и на лишение жизни в порядке легко различимой первичной причинно-следственной цепочки. Более сложные вторичные цепочки эмоциональными механизмами моральной оценки не фиксируются. В случае «Стрелка» первичная цепочка ведет от действия к спасению пятерых человек. Она не включает в себя тревожный сигнал причинения вреда другому человеку. То, что вред все же причиняется, фиксирует лишь когнитивная система, но она предполагает взвешивание альтернатив, и этот вред в итоге воспринимается как меньший. В случае «Пешеходный мост» первичная цепочка ведет от действия к гибели одного человека на рельсах. Причинение вреда оказывается в «поле зрения» тревожной сигнализации и порождает острый эмоциональный отклик. Однако подобная каузальная миопия эмоциональной оценки не является достаточным основанием для того, чтобы считать кейсы «Стрелка» и «Пешеходный мост» различными в моральном отношении [Green, 2013, p. 211–240].

Второму деонтологическому принципу из числа двух, указанных во введении к статье, Грин уделит меньше внимания, но и этот принцип также был подвергнут им разоблачению, общая логика которого такова. В случае непредотвращения вреда перед человеческим мозгом стоит непростая задача анализа огромного количества сценариев, ведущих от бездействия к страданиям, увечью или смерти других людей, тогда как в случае причинения вреда количество таких сценариев ограничено. Однако когнитивные ограничения не являются однозначным свидетельством того, что причинение вреда (например, убийство) по существу хуже, чем его непредотвращение (например, оставление умирать) [Green, 2013, p. 240–245]. Следует также учитывать, что другие теоретики попытались использовать гриновскую методику для разоблачения второй формулировки принципа, касающегося причинения вреда как средства и причинения вреда как побочного следствия. Имеется в виду его оформление в категориях намеренного/ненамеренного поведения [Levy, 2011]. Основой разоблачения стали эксперименты Дж. Ноуба [Knobe, 2003].

В итоге Дж. Грин избегает радикальной натурализации этической теории и сохраняет пространство для нормативной этики, хотя

логика разоблачения деонтологических принципов вполне могла бы перейти в логику разоблачения морали как таковой, морали как совокупности любых принципов, претендующих на объективность и универсальность [Прокофьев, 2022, с. 29–32]. Результатом же умеренной натурализации оказывается такая ценностно-нормативная система Дж. Грина, из которой изъят абсолютистский деонтологический компонент, а утилитаристский компонент освобожден от некоторых нереализуемых притязаний. Грин полагает, что ценностно-нормативное содержание морали вполне адекватно выражают предельно общие утилитаристские установки, освобожденные от претензий на точный расчет суммированного благополучия всех затронутых сторон. Грин обозначает их с помощью понятий «метамораль» и «глубокий [моральный] прагматизм» ([Green, 2013, p. 289–291].

Неопределенность научной основы разоблачения деонтологических принципов

Важнейшим затруднением для умеренной натурализации этики является то довольно простое обстоятельство, что ее научная основа (эмпирические данные и их теоретическое осмысление) является недостаточно определенной, изменчивой и противоречивой в том смысле, что разные исследователи по-разному видят психологические механизмы и эволюционные истоки моральной оценки. Если взять за точку отсчета социальный интуитивизм Дж. Хайдта, не признающий дуалистического (двухпроцессного) характера моральной оценки, то натурализация этической теории может быть только радикальной, а для нормативной этики, обосновывающей те или иные принципы в качестве объективных и универсальных, просто не остается места. Как известно, для Дж. Хайдта рационально-дискурсивная составляющая морального опыта (у Дж. Грина она именовалась когнитивной) является бессильным всадником на слоне эмоционально-интуитивных оценок (см. подробнее: [Haidt, 2001; Haidt, 2013]). Соответственно, деонтологические моральные принципы и любые формулы утилитаристского расчета будут поверхностной рационализацией таких оценок.

Однако и внутри дуального понимания психики есть концепции, с которыми гриновский проект разоблачения также несовместим. Моя статья в оставшейся ее части будет посвящена анализу проблем, предъявляемых гриновскому проекту одной из таких концепций. Я имею в виду недавний труд российских психофизиологов Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой «Мораль и субъективный опыт» (2019).

Ключевой компонент их представлений о работе человеческой психики – взаимодействие онто- и филогенетически ранних, низкодифференцированных систем психического опыта с поздними и высокодифференцированными. В сфере моральных оценок высокодифференцированным системам соответствует дискурсивная составляющая, а низкодифференцированным – интуитивная. При этом интуитивная оценка предполагает максимальное вовлечение эмоций, а дискурсивная – когнитивных способностей и рациональности. Эти тезисы вполне согласуются с картиной психологических механизмов моральной оценки, нарисованной Дж. Грином. Если предположить, что высокодифференцированные системы психики дают более надежные (в познавательном и ценностном отношениях) результаты, то на горизонте возникает перспектива разоблачения тех нормативных принципов, которые тесно связаны с низкодифференцированными системами. В качестве психофизиологов авторы книги не проявляют интереса к обсуждению проблем моральной философии и нормативной этики, но проекция их подхода в эту область могла бы привести именно к таким выводам.

В итоге Ю.И. Александров и К.Р. Арутюнова создают такую концепцию субъективного морального опыта, которая гораздо менее благоприятна для проекта разоблачения деонтологии, чем концепция Дж. Грина. Для начала возьмем следующее их методологическое утверждение: «Мы исходили из предположения о том, что в ситуациях, когда причинение вреда одному человеку является условием достижения блага для большего числа людей, утилитарные решения характеризуются рассогласованием между интуитивной и рациональной составляющими оценки действия... [а] в случае неутилитарных решений... медленная рациональная оценка согласуется с быстрой интуитивной оценкой» [Александров, Арутюнова, 2019, с. 97]. Это означает, что в области высокодифференцированного психического опыта есть место не только для утилитаристской, но и для деонтологической оценки поведения. У Дж. Грина когнитивный и эмоциональный механизмы моральной оценки рассогласованы между собой, а подобие согласования возникает лишь тогда, когда эмоциональная, интуитивная система не противостоит своей *vis-a-vis* (то есть молчит и не подает тревожного сигнала в отношении ее оценок и рекомендаций). С точки зрения российских авторов, возможно и настоящее согласование обеих систем, поскольку моральное рассуждение бывает не только утилитаристским, но и неутилитаристским, и такое неутилитаристское рассуждение в каких-то случаях дополнительно подтверждает интуитивную оценку. Важно, что при этом оно не является всего лишь бессильной в практическом отношении вторичной рационализацией интуитивных реакций, как у Дж. Хайдта. То рассуждение, которое совпадает с интуитивной оценкой и осуществляется по формуле: «причинение вреда – это плохо, потому что...», возникает в незавершенном процессе принятия

решения и является своего рода «вторым ключом» (ср.: [Александров, Арутюнова, 2019, с. 98]). Таково первое существенное расхождение с Дж. Грином.

Концепция Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой не является спекулятивной. В ее пользу свидетельствуют эмпирические данные, которых не имел в своем распоряжении Дж. Грин. Эти данные были получены на основе исследования последствий воздействия на моральную оценку такого универсального и мощного «дедифференциатора» и «дерационализатора», как алкоголь. Результаты воздействия алкоголя, ослабляющего рациональные (дискурсивные, когнитивные) механизмы психики, явно не подтверждают те ожидания, которые отталкиваются от концепции Дж. Грина. Каковы эти ожидания?

Существует два возможных понимания того, что предложил Дж. Грин: во-первых, быстрая тревожная сигнализация просто не фиксирует бесконтактный вред или вред, причиняемый в порядке вторичных причинно-следственных связей, во-вторых, быстрая тревожная сигнализация фиксирует такой вред, но гораздо слабее реагирует на него. В пользу первого вывода могут свидетельствовать результаты измерения Дж. Грином времени реакции испытуемых на предложенные им ситуации. Те испытуемые, которые в случае «Пешеходный мост» принимают решение, соответствующее утилитаристскому подходу, то есть считают допустимым столкнуть толстяка, тратят на свой ответ больше времени, чем те, кто, опираясь на деонтологические принципы, считают это действие недопустимым. Для Дж. Грина это признак того, что имеет место преодоление эмоционального отклика. В то же время ответ на случай «Стрелка» занимает одинаковое время у тех, кто готов, и у тех, кто не готов перенаправить угрозу. Это подводит к выводу, что эмоциональная система не реагирует, хотя Дж. Грин в работе «Тайная шутка Кантовой души» высказывается не столь определенно. Он утверждает, что здесь «нет эмоционального отклика или он гораздо слабее» [Green, 2008b, p. 44]. Однако в более поздней работе «Моральные племена», где эксперименты с замерах времени не упоминаются, Дж. Грин оставляет лишь один из двух вариантов: «вредоносное действие в случае “Стрелка” не вызывает значительного эмоционального отклика», а в случае «Пешеходный мост» «является триггером относительно более сильного эмоционального отклика» [Green, 2013, p. 120–121]. Соответственно, на мой взгляд, ожидания следует выстраивать на основе второго понимания.

Итак, мы знаем, что среди респондентов есть те люди, которые на основе работы когнитивной системы преодолевают эмоциональную тревожную сигнализацию даже в случае «Пешеходный мост» (условно – чистые утилитаристы). Их меньшинство, но если когнитивная система слабеет, то это меньшинство должно уменьшиться. Таково первое ожидаемое следствие алкогольного опьянения. Мы

знаем также, что существуют респонденты, у кого когнитивная система уступает действию тревожной сигнализации даже в случае «Стрелка». Они природные нерефлексивные деонтологи, использующие не принцип, запрещающий причинение вреда в качестве средства и допускающий причинение вреда в качестве побочного эффекта, а принцип, запрещающий причинение вреда как таковое, по крайней мере, в отношении невиновных людей. Таких нерефлексивных деонтологов тоже меньшинство, но если когнитивная система слабеет, то это меньшинство должно увеличиться. Однако результаты исследований Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой оказались иными.

Перед тем как их охарактеризовать, необходимо немного углубиться в историю исследования вопроса. В 2010-х гг. психологами уже были получены некоторые данные о воздействии алкоголя на моральную оценку. Эти данные свидетельствовали, что единственной тенденцией у испытуемых, находящихся под воздействием алкоголя, является усиление утилитаристского характера оценок по отношению к обоим рассматриваемым ситуациям («Стрелка» и «Пешеходный мост») [Duke, Begue, 2015]. Нельзя не заметить, что этот вывод полностью противоречит гриновской концепции. Однако столь радикальное противоречие авторы книги «Мораль и субъективный опыт» рассматривают все же в качестве результата специфического, неудачного сеттинга, избранного их предшественниками. На выводы предшественников повлияли: а) не самый удачный выбор места исследования (это было социальное пространство – бар, а в социальном пространстве утилитарность оценок всегда возрастает), б) заведомое попадание именно в этом месте в число испытуемых не просто людей, находящихся под воздействием алкоголя, и значит, испытывающих временное ослабление высокодифференцированных структур психики, а людей с развитой алкогольной зависимостью (у них формируются стойкие изменения личности, создающие тенденцию к вынесению утилитаристских оценок) [Александров, Арутюнова, 2019, с. 116–122].

Собственные исследования Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой проводились с людьми без алкогольной зависимости и в условиях изоляции. Однако результаты все равно получились не соответствующими концепции Дж. Грина. Воздействие алкоголя на моральные оценки оказалось очень индивидуальным и разнонаправленным. «Анализ индивидуальных ответов показал, что нередко моральные оценки после приема алкоголя остаются сходными с оценками в ситуации, не включающей прием алкоголя... когда же они изменяются, наблюдаемые сдвиги разнонаправленны: утилитарность оценок одних индивидов под влиянием алкоголя растет, а других – снижается» [Там же, с. 119–120]. Общей тенденции к снижению утилитаристского характера оценок не наблюдается, хотя концепция Дж. Грина ее

предсказывала. В этом состоит второе существенное расхождение с Дж. Грином.

К разнонаправленности сдвигов я еще вернусь, а сейчас хотел обратить внимание читателя на то, что эксперименты с влиянием алкоголя на моральную оценку показали, что опьянение *по-разному* влияет на способность испытуемых дифференцировать причинение вреда другому человеку на основе *разных* деонтологических критериев. Прежде всего, в ходе этих экспериментов было установлено, что «после приема алкоголя участники в меньшей степени различали пары моральных дилемм, в которых противопоставлялись действие и бездействие, а также причинение вреда как средство достижения цели и причинение вреда как побочный эффект достижения цели» [Александров, Арутюнова 2019, с. 119]. Также было продемонстрировано, что параллельно с этими изменениями уменьшается и способность дифференцировать действия на намеренные и ненамеренные (здесь имеются в виду любые представления о намеренности/ненамеренности, а не только философски уточненное представление, охарактеризованное выше). Люди, которые в состоянии опьянения начинали «приписывать намерения всем действиям, включая случайные... [причем] в негативном контексте, который имеет отношение к причинению вреда другим», переставали также усматривать разницу между тем, что необходимо сделать для достижения цели, и побочными следствиями ее достижения, а также разницу между причинением вреда и его непредотвращением. Для Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой изменения, связанные с первым из разграничений, предопределяют изменения, связанные с двумя другими. Однако в состоянии опьянения ослабевали не все деонтологические ограничения утилитаристской логики принятия решений: практически все «участники продолжали хорошо различать дилеммы с использованием физического контакта и без него» [Там же, с. 119].

Разная судьба ограничений утилитаристской логики, выявленная в экспериментах российских психологов, также не соответствует научной основе гриновского разоблачения деонтологии. *И это третье расхождение.* Для Дж. Грина деонтологические принципы имеют одинаковую природу. Они есть результат неспособности тревожной эмоциональной сигнализации реагировать на сложность ситуаций морального выбора и разнообразие причинно-следственных связей: все деонтологические принципы представляют собой проявления примитивной эвристики. Однако в работе «Мораль и субъективный опыт» выдвинуто предположение о том, что некоторые из них поддерживаются сложной, дискурсивной, рациональной системой психики. Это предположение экспериментально подтверждается уязвимостью трех упомянутых выше принципов для ослабления или отключения этой системы. Исключение составляет лишь один принцип: «недопустимо для достижения утилитаристски обоснованной цели причинять

вред другим людям *посредством физического контакта*, однако причинение такого же вреда *дистанционными средствами* допустимо». Тот факт, что он является исключением, как раз и указывает на то, что он представляет собой проявление примитивной эвристики. Но ведь это такой принцип, который деонтологическая нормативная этика не принимает. Дж. Грин стремится разоблачить не его, а другие деонтологические принципы посредством сведения к нему.

В отношении того, что происходит с разграничением намеренности/ненамеренности действий, еще можно было бы построить объяснение, которое соответствует модели Дж. Грина. Можно предположить, что распознавание намерений – это сложный, требующий рефлексии процесс, поэтому неудивительно, что он ослабляется под воздействием алкоголя. Но в отношении критериев средство / побочное следствие и действие/бездействие складывается иная ситуация. Первый, по Дж. Грину, является скрытым проявлением отвращения к контактному формам причинения вреда и следствием вынужденного игнорирования сложных, ветвящихся причинно-следственных связей между действием и потерями других людей. Второй же есть результат вынужденного пренебрежения слишком большим, потенциально необозримым количеством причинно-следственных связей между бездействием и потерями других людей. Они оба представляют собой удобные эвристические инструменты для вынесения быстрых интуитивных суждений о реальной ситуации. И оба включены в работу эмоциональной тревожной сигнализации в сфере причинения вреда другому человеку. Поэтому причины того, что отключение более сложных систем психики ведет к приостановке применения этих критериев, остаются неясными. В свете концепции Дж. Грина они должны находиться в том же положении, что и критерий наличия/отсутствия физического контакта, то есть применяться, а может быть, и доминировать в состоянии опьянения. Однако это оказывается не так.

Теперь вернемся к разнонаправленности воздействия опьянения на моральные оценки в ситуациях «Стрелка» и «Пешеходный мост». Тот факт, что реакция респондентов оказалась разнонаправленной, не оставляет возможности для других интерпретаций, кроме той, что основа, относящаяся к эмоциональной, интуитивной, низкодифференцированной составляющей человеческой психики, есть не только у деонтологических, но и у утилитаристских оценок. Это утверждение естественным образом дополняет обсуждавшийся выше тезис, что деонтологические моральные оценки опираются не только на низкодифференцированную, но и на высокодифференцированную психическую систему. Итак, по мнению Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой, использование нормативного принципа «спасай как можно больше людей» является не результатом многостороннего рационального анализа ситуации через призму максимизации блага,

а эвристическим приемом – удобным упрощением. Опора на этот принцип представляет собой быструю эмоциональную реакцию, и значит, существенное количество утилитаристских оценок связано не с рассуждением о наибольшем благе наибольшего количества людей, а с интуитивным оценочным реагированием. Возможно, что такая эвристика несколько сложнее эвристики деонтологического типа, но она тем не менее остается выражением работы низкодифференцированных психических систем. *В этом состоит четвертое существенное расхождение с Дж. Грином.*

Представление о двух типах моральной эвристики не является новацией российских психологов, его ввел в оборот американский теоретик К. Санстин [Sunstein, 2005]). Однако полученные российскими психологами данные эмпирически подкрепляют это представление. В свете этих данных люди разделяются на два типа: на тех, кто тяготеет к интуитивному использованию утилитаристских критериев оценки, и тех, кто склонен интуитивно использовать критерии деонтологические. На представителей этих типов алкоголь воздействует по-разному. Одни оказываются все более и более строгими «деонтологами», другие – все более и более строгими «утилитаристами». И это означает лишь то, что «при угнетении высокодифференцированных систем под влиянием алкоголя рассуждение сужается до простых и доступных правил: например, “убивать нельзя” или “надо спасти больше людей”» [Александров, Арутюнова 2019, с. 123]. «Алкогольная миопия» ведет к легкости и скорости принятия как утилитаристских, так и деонтологических решений в зависимости от преобладающего у данного участника эксперимента типа моральной эвристики.

Заключение

В ходе сравнения научной основы разоблачения деонтологических моральных принципов Дж. Грина с моделью субъективного морального опыта, предложенной Ю.И. Александровым и К.Р. Арутюновой, были обнаружены следующие расхождения. 1. По мнению российских психологов, деонтологические моральные оценки возникают на основе работы как эмоциональной (низкодифференцированной) системы нашей психики, так и ее когнитивной (высоккодифференцированной) системы. 2. Российские психологи демонстрируют, что ослабление когнитивной системы не ведет к росту общего числа оценок, ограничивающих утилитаристский расчет (что, по всей видимости, предполагает концепция Дж. Грина). 3. В экспериментах российских психологов выявляется неоднородность нормативных ограничений утилитаристского расчета в отношении их зависимости

от эмоциональной системы, причем наибольшую зависимость проявляют совсем не те ограничения, которые значимы для нормативной этики деонтологического типа. 4. Результаты экспериментов российских психологов указывают на существование, наряду с деонтологической моральной эвристикой, зависящей от эмоциональной системы, точно такой же утилитаристской эвристики.

Какой вывод из этого сравнения может быть сделан применительно к проблеме натурализации моральной эпистемологии? Похоже, что современная наука о психике предоставляет нам очень разные модели описания механизмов работы морального сознания. Одни модели, подобно социальному интуитивизму Дж. Хайдта, подталкивают к признанию необходимости и возможности радикальной натурализации и к фактическому устранению нормативной этики. В этой оптике все моральные оценки и принципы сводятся к их закономерной психической основе и ее обработке абсолютно равноправными, но сильно отличающимися друг от друга социокультурными системами. Другие модели, подобно двухпроцессной концепции психики Дж. Грина, подталкивают к умеренной натурализации, которая выражается в виде попыток разоблачить какую-то часть моральных принципов как не имеющую оснований считаться объективной и универсальной. Эффект разоблачения поддерживается уверенностью в возможности привязать разные принципы морали к разным системам психики (соответственно, эмоциональной и когнитивной). Третьи модели, подобно двухпроцессному образу психики Ю.И. Александрова и К.Р. Арутюновой, подрывают проект разоблачения, но оставляют открытым вопрос о необходимости и возможности других вариантов умеренной натурализации. Все моральные принципы оказываются одинаковым образом связаны как с низко-, так и с высокодифференцированными компонентами субъективного морального опыта. В условиях подобной неоднозначности научных моделей морального сознания (морального опыта) выбор философской позиции в отношении натурализации моральной эпистемологии оказывается зависимым не столько от научных данных, сколько от уже имеющихся у него метаэтических и нормативно-этических предпочтений.

Список литературы

Александров, Арутюнова, 2019 – Александров Ю.И., Арутюнова К.Р. Мораль и субъективный опыт. М.: Институт психологии РАН, 2019. 188 с.

Бажанов, Шабалкина, 2017 – Бажанов В.А., Шабалкина Е.Е. Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейроэтика // Философские науки. 2017. № 6. С. 64–79.

Бельский, 2020 – Бельский И.С. «Нейронаучный поворот» и эксперименты Дж. Грина: этико-антропологические импликации // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1 (28). С. 123–129.

Прокофьев, 2022 – Прокофьев А.В. Эволюционно-психологическое разоблачение моральных принципов как этическая проблема // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 23–33.

Эдмондс, 2016 – Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 256 с.

References

Aleksandrov, Yu.I., Arutyunova, K.R. *Moral' i sub"ektivnyi opyt* [Morality and Subjective Experience]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2019, 188 pp. (In Russian)

Bazhanov, V.A., Shabalkina, E.E. "Problema poiska neurofiziologicheskikh osnovanii morali: neuroetika" [The Problem of Quest for the Neurophysiological Foundations of Morality: Neuroethics], *Filosofskie nauki*, 2017, no. 6, pp. 64–79. (In Russian)

Bel'skii, I.S. "Neironauchnyi povorot i eksperimenty Dzh. Grina: etiko-antropologicheskie implikatsii" [The "Neuroscientific Turn" and J. Greene's Experiments: Ethical and Anthropological Implications], *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 2020, no. 1 (28), pp. 123–129. (In Russian)

Campbell, Hunter, 2000 – Campbell, R., Hunter, B. (eds.) *Moral Epistemology Naturalized*. Calgary: University of Calgary Press, 2000.

Duke, Begue, 2015 – Duke, A.A., Begue, L. "The Drunk Utilitarian: Blood Alcohol Concentration Predicts Utilitarian Responses in Moral Dilemmas", *Cognition*, 2015, vol. 134, pp. 121–127.

Edmonds, D. *Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe khorosho i chto takoe plokho?* [Would You Kill the Fat Man?: The Trolley Problem and What Your Answer Tells Us about Right and Wrong]. M.: Instituta Gaidara Publ., 2016, 256 pp. (In Russian)

Greene, 2008 – Greene, J.D. "The Secret Joke of Kant's Soul", in: W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral Psychology. Vol. 3. The Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development*. Cambridge: MIT Press, 2008, pp. 35–80.

Greene, 2008 – Greene, J.D. "Reply to Mikhail and Timmons", in: W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral Psychology. Vol. 3. The Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development*. Cambridge: MIT Press, 2008, pp. 105–119.

Greene, 2013 – Greene, J.D. *Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them*. New York: Penguin Press, 2013.

Haidt, 2001 – Haidt, J. "The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment", *Psychological Review*, 2001, vol. 108, no. 4, pp. 814–834.

Haidt, 2012 – Haidt, J. *The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion*. New York: Pantheon Books, 2012, 419 pp.

Kamm, 1996 – Kamm, F. *Morality, Mortality. Volume II: Rights, Duties, and Status*. New York: Oxford University Press, 1996. 389 pp.

Kerstein, 2013 – Kerstein, S. *How to Treat Persons*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 225 pp.

Kim, 1988 – Kim, J. “What is Naturalized Epistemology?”, in: J.E. Tomberlin (ed.) *Philosophical Perspectives. Vol. 2. Epistemology*. Asascadero: Ridgeview Publishing Co, 1988, pp. 381–406.

Kleingeld, 2020 – Kleingeld, P. “A Kantian Solution to the Trolley Problem”, *Oxford Studies in Normative Ethics*, 2020, vol. 10, pp. 204–228.

Knobe, 2003 – Knobe, J. “Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language”, *Analysis*, 2003, vol. 63, no. 3, pp. 190–194.

Levy, 2011 – Levy, N. “Neuroethics: A New Way of Doing Ethics”, *AJOB Neuroscience*, 2011, vol. 2, no. 2, pp. 3–9.

Mikhail, 2008 – Mikhail, J. “Moral Cognition and Computational Theory”, in: W. Sinnott-Armstrong (ed.) *Moral Psychology. Vol. 3. The Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development*. Cambridge: MIT Press, 2008, pp. 81–92.

Prokof'ev, A.V. “Evolutsionno-psikhologicheskoe razoblachenie moral'nykh printsiptov kak eticheskaya problema” [The Evolutionary and Psychological Debunking of Moral Principles as an Ethical Problem], *Voprosy filosofii*, 2022, no. 2, pp. 23–33. (In Russian)

Quine, 1969 – Quine, W.V.O. “Epistemology Naturalized”, in: Quine, W.V.O. *Ontological Relativity and Other Essays*. New York: Columbia University Press, 1969, pp. 69–90.

Quinn, 1989 – Quinn, W.S. “Actions, Intentions, and Consequences: The Doctrine of Double Effect”, *Philosophy & Public Affairs*, 1989, vol. 18, no. 4, pp. 334–351.

Sunstein, 2005 – Sunstein, C.R. “Moral Heuristics”, *Behavioral and Brain Sciences*, 2005, vol. 28, no. 4, pp. 531–542.

Tannsjö, 2015 – Tannsjö, T. *Taking Life: Three Theories on the Ethics of Killing*. Oxford: Oxford University Press, 2015, 328 pp.

Thomson, 1985 – Thomson, J.J. “The Trolley Problem”, *The Yale Law Journal*, 1985, vol. 94, no. 6, pp. 1395–1415.